

А. Н. Круглов
РАННЕЕ КАНТИАНСТВО
В РОССИИ:
И. В. Л. МЕЛЬМАН
И И. Г. БУЛЕ

Ранняя рецепция кантианства в России на рубеже XVIII-XIX веков концентрировалась преимущественно в Московском университете и была связана с деятельностью двух выпускников Гёттингенского университета. И. В. Л. Мельман стал первым сторонником кантовской критической философии в России, чем вызвал философско-теолого-административный конфликт, в результате которого трагически ушел из жизни. И. Г. Буле прочитал одни из первых курсов по кантовской философии критического периода и благополучно вернулся после десятилетия пребывания в России в Германию.

The early reception of Kantianism in Russia at the turn of the 18th century took place at Moscow University and was connected with the endeavours of two graduates of Göttingen University. J.W.L. Mellmann was the first adherent of Kant's critical philosophy in Russia and thus provoked a philosophical-theological-administrative conflict, which led to his untimely death. J.G. Buhle taught one of the first courses on Kant's philosophy of the critical period and safely returned to Germany after a 20 year residency in Russia.

Ключевые слова: раннее кантианство, Московский университет, философия религии, этика, университетская философия.

Key words: early Kantianism, Moscow University, philosophy of religion, ethics, university philosophy.

Первые шаги кантовской философии в России были связаны с деятельностью двух выпускников Гёттингенского университета в Москве – Иоганна Вильгельма Людвиг Мельмана (1764 или 1765 – 1795) и Иоганна Готлиба (Теофила) Буле (1763 – 1821). Они были в приятельских отношениях, учились у одного профессора – знаменитого классического филолога Хр. Г. Гейне, однако их судьба в России сложилась совершенно по-разному.

Первым в Россию по рекомендации Гейне после защиты в 1786 году диссертации и публикации комментария к Овидию [53] в сентябре того же года прибыл, подписав с Московским университетом договор на шесть лет [43, с. 412–413], Мельман. Первоначально он стал ректором университетской гимназии и преподавателем древних языков [31, с. 8–9; 28, с. 11; 29, с. 13]. На первых порах его жизнь в Москве складывалась неплохо. Молодого преподавателя поддерживали такие старшие коллеги, как И. М. Шаден, И. А. Гейм и И. И. Мелиссино [57, S. 70]. В новой стране Мельман продолжал вести уединенный образ жизни, которым он был известен еще в Германии. В 1789 и 1791 годах он издал два учебника по латинскому языку [55; 54]. Кроме того, ученый попытался навести порядок в университетской библиотеке, разобрав хранившиеся в коробках книги [57, S. 72]. Из писем Мельмана друзьям видно, насколько серьезно он подходил к своим обязанностям учителя юношества [57, S. 74–77]. Со своим университетским учителем Гейне он полемизировал по поводу необходимости преподавания в России латыни. Гейне считал, что русским уместнее было бы преподавать древнегреческий. Мельман же придерживался мнения о том, что латынь не нужна ни русским, ни большинству немцев, ибо древние языки в состоянии выучить лишь единицы. Тем не менее он все же указывал и на некоторые

причины изучения латыни в России: чтение лекций для медиков, получение первоначальных навыков латыни уже в начальных школах, в то время как древнегреческий изучается в России только священниками [57, S. 78–79].

Несмотря на то что Московский университет не выполнил условия контракта с Мельманом в 1789 году, молодой преподаватель в целом был доволен своим положением и готов был даже навсегда остаться в России. Он предпочитал гимназию университету, но при этом не хотел быть в дальнейшем связанным контрактом и желал совершить поездку в Германию для ознакомления с деятельностью немецких гимназий. Ситуация стала осложняться в 1792 году, ибо Мельман начал испытывать серьезные проблемы со зрением. Внутренние терзания немецкого ученого разрешились сами собой: в том же году [32, с. 13, 17; 33, с. 9, 13] после смерти коллеги он вынужден был заменить его на посту профессора Московского университета без всякого изменения жалованья. В новом качестве он работал над греческой грамматикой. Пользовался он и возможностью работать в московских библиотеках, в том числе в синодальной, где по

просьбе Гейне проводил некоторые сравнения сочинений Гомера. В это же время он высказывал желание основать журнал, посвященный проблемам школы, чтобы таким образом влиять на учебные заведения в России [57, S. 82]. По привычным для тех времен обычаям у Мельмана, как и других московских профессоров, имелся пансион. Среди его учеников выделялись Г. М. Яценков и А. М. Гусятников – последний обучался в пансионе немецкого преподавателя. Для того чтобы способствовать его дальнейшему образованию, Мельман хотел даже совершить с ним учебную поездку в Гёттинген. Хотя первоначально поездка на 6 месяцев и была разрешена, однако это вызвало неудовольствие коллег Мельмана. Кроме того, Гусятникову так и не выдали паспорт [57, S. 92].

И. Ф. Тимковский вспоминал о Мельмане так: «Истинно-немецкий молодой ученый, лет 32, ростом выходил из среднего, с походкою скорою и согбенною; лица был округлаго, белобрыс и рыжеват. <...> Всегда углублен в себя, трубку и книги. Знал кабинет, конференцию и классы. В предметах своих читился отличным знатоком, и разумным преподавателем. <...> К правоте и откровенности в классах и обращении был искренне привержен»¹ [45, с. 23]. Ф. П. Лубяновский так характеризовал своего профессора: «Мельман, любимый, говорили, ученик Канта, был нашим профессором эстетики. Мужчина лет под сорок, всегда один, словно в келье, всегда погруженный в размышления, он слыл в литературном кружке бесстрастным отшельником от мира, влюбленным по уши в безжалостную критику, дочь философа Канта. Был он, однако же, с отличными способностями и с даром слова, – Цицерон в латинской словесности. Познакомив нас с Горацием, Вергилием, Люкрецием, Цицероном, Тацитом, он удачно развивал их мысли нравственные и политические, превозносил их ум и с приятным велеречием водил нас от одного к другому из них, как по цветистому лугу от одного прекрасного к другому цветку, еще превосходнейшему, присваивая им, иногда казалось нам, и такие идеи, о которых те господа не думали и не гадали. Представлялось нам также, что он не всегда и высказывал нам все то, что было у него на сердце. Несмотря на то, мы слушали его с удовольствием. Неожиданно он перестал являться на лекции. Через несколько дней шепотом заговорили, что Мельмана велено отправить к митрополиту Платону; потом, что он выслан и по секрету отвезен за границу; наконец, что, не доезжая до Кёнигсберга, он застрелился» [21, ст. 113].

К сожалению, воспоминания Лубяновского полны заблуждений, которые нередко транслируются в литературе о Мельмане до сих пор. Строго говоря, преподаваемый Мельманом, прямо не назывался эстетикой. В то же время в каталоге лекций университета на 1793–1794 годы сказано, что Мельман, «Философии Доктор и Свободных наук Магистр Греческого и Латинского языка Профессор Публичный Экстраординарный и Греческих и Латинских классов в Университетской Гимназии Ректор» будет разбирать «лучшие места из разных Латинских авторов по правилам Эстетики, с присовокуплением краткого изъяснения сей науки» [33, с. 9]. Мельману было на момент этого описания около тридцати лет. Совершенно точно, что он у Канта не учился, а о философии кёнигсбергского философа знал преимущественно по опубликованным сочинениям. И уж тем более Мельман не мог быть «любимым учеником» Канта. Более того, сомнительно, что сам Кант когда-либо слышал о молодом докторе. Наконец, Мельман не кончал жизнь самоубийством.

По утверждению Тимковского, Мельман «первый принес в Университет свежее учение Кантовой критической Философии, и за новостью охотно говорил об ней» [45, с. 23]. Ему вторят авторы биографического словаря профессоров Московского университета середины XIX века: «Кроме филологии, он [Мельман] знаком был с Кантовою Критическою философиюю и первый принес с собою свежие о ней понятия в Московский ученый круг; по новости ее и занимательности, часто рассуждал о ней охотно и свободно со своими собеседниками, знакомя их таким образом с важнейшими ее началами» [26, с. 46]. Однако все известные на сегодня источники подтверждают, что Мельман был первым сторонником критической философии Канта не только в Московском университете, но и вообще в России. Именно в его университетской речи 1790 года содержится наиболее раннее печатное указание на Канта в России, известное мне, а именно на «Кантианскую философию» как «новую школу», инициированную «знаменитым кёнигсбергским философом» [56, р. 23]. Увлечение кантовской критической философией закончилось для Мельмана трагично. Авторы юбилейного издания несколько стыдливо замечают: «Но несмотря на свою ученость и другие хорошие стороны, Мельманн нередко, увлекаясь новою философиюю, слишком свободно и неосторожно высказывал односторонние и ложные свои убеждения относительно предметов религиозных, за что, по определению Университетского Начальства, с января 1795 года отрешен от своей должности и должен был покинуть наше отечество» [26, с. 46–47].

В чем состояли «неосторожные» и «односторонние» высказывания последователя кантовской философии, так круто изменившие его жизнь в России, можно восстановить по архивным материалам: в РГАДА сохранилась пухлая папка, довольно полно характеризующая события тех лет [27]. Дело Мельмана вызвало к жизни духовное лицо – московский митрополит Платон (П. Е. Левшин), которому не понравились некоторые высказывания Мельмана на религиозную тему. Митрополит не оставил это без последствий, хотя позднее и попытался до минимума свести свое участие в этом им же

¹ Здесь и далее в цитатах сохранена орфография и пунктуация оригинала.

инициированном деле². Для начала Мельмана 31 января 1795 года по старому стилю уволили из университета. Однако это решение еще не было окончательным. Немецкого профессора попытались уговорить отказаться от своих взглядов. После несогласия Мельману пришлось отвечать на многочисленные вопросы университетских коллег, которые сильно напоминали допрос. О деле стало известно и в Санкт-Петербурге. В феврале императрица Екатерина II повелела генерал-прокурору доставить Мельмана в столицу для допроса в Тайной экспедиции [27, л. 1] — учреждении для преследования и расправы по политическим преступлениям. Доставлять «секретного арестанта» в столицу не пришлось [41, л. 2—2 об.], ибо профессор сам уехал в Санкт-Петербург. В это трудное для немецкого ученого время поддержку ему оказывал его ученик Гусятников, который и провожал профессора в дорогу. В доме Мельмана в Москве сделали обыск, опечатали его вещи, а затем арестовали его в Санкт-Петербурге и подвергли уже настоящим допросам.

После всех издевательств³ над Мельманом было принято следующее решение: 12 марта 1795 года в Тайной экспедиции взять с Мельмана подписку о неразглашении того, что с ним произошло, выдать ему остаток причитающегося жалования, выдворить из России и запретить ему впредь являться в нее. Двадцать восьмого марта Мельман был доставлен русским сопровождением в польский город Старополье «в печальнейшем состоянии, в ужаснейшей меланхолии и в величайшей слабости» [10, л. 129; 13, с. 44—45]. Вскоре после пересечения границы произошло следующее: «Мельман совершенно ничего не ел; его силы покидали его, и он умер от голода в собственном смысле этого слова в Георгенбурге (ныне пос. Маёвка. — А.К.) — под Инстербургом (ныне г. Черняховск. — А.К.), спустя полчаса после прибытия туда, 12 апреля 1795 года, как о том гласит свидетельство о смерти, выписанное священником в Георгенбурге, и там же он и похоронен» [57, S. 107—108]. Московское имущество бывшего профессора состояло из поношенной одежды и первоклассного собрания книг, до которых в Москве тут же нашлись охотники.

Что же страшного и ужасного вменялось в вину Мельману? Во-первых, Мельман «в бытность свою у Его Высокопреосвященства Московского Митрополита Платона, обнаружил хульные некие и оскорбительные свои мысли против Христианской Религии ...» [11, с. 199]: он заявил, что у языческих авторов нравственности можно научиться больше, чем у отцов церкви. Во-вторых, Мельман «оказался виновным в том, что он, при изъяснении ученикам классических авторов, вмешивал хульные и оскорбительные мысли свои против Христианской религии, а сверх того он, во время содержания его здесь, оказался повременно в повреждении ума...» [40, с. 120]. В-третьих, «Мельман... вызвался, что Религия Христианская должна основываться на рассудке человеческом и на философии ...» [39, с. 199—200].

Из объяснений Мельмана становится понятно, что причиной разногласий во многом стала критическая философия Канта, о которой он открыто говорил в России: «за точное убеждение в важнейших предметах обязан я учению Кантовых и ему подобных сочинений» [23, с. 109]. К Канту Мельман обратился, как это ни странно, занимаясь проблемами воспитания; об этом он писал в письме к Гейне [57, S. 86—87]. Некоторое время он даже переводил кантовские сочинения на латынь, однако все же отказался от этого предприятия, узнав, что «оно находится в чужих руках (Ф. Г. Борна? — А.К.) и от этого должно, по всей вероятности, выиграть» [57, S. 100]. Под влиянием все того же кёнигсбергского философа Мельман стал проявлять интерес и к проблемам этики при чтении древних авторов: «я и сам не прежде как в последних годах, по тщательном упражнении в Философии (поколикую мне важные дела позволяли), и особливо по поводу сочинений одного, еще в живых находящегося, Кёнигсбергского ученого Профессора Канта, и в Немецкой земле вообще почитаемого его училища (=школы⁴. — А.К.) в последних годах делал чаще нежели прежде нравственные принаровления к тем древним писателям, коих изъяснять должно» [24, с. 101]. В своих показаниях Мельман заявил, что «он Кантист и в преподавании древних писателей не может не касаться нравственности и Религии» [42, с. 200].

Собственные религиозные взгляды Мельман разъяснял также со ссылкой на Канта: «Касательно мнений моих о Философии, Богословии и Нравоучении, ссылаюсь я на сочинения Канта, из коих последнее и почти важнейшее есть следующее: "Закон внутри пределов чистого разума" (= "Религия в пределах одного разума"⁵. — А.К.). По содержанию оно есть токмо именно один закон нравственный (=религия⁶. — А.К.), как то расположение все обязанности свои почитать и выполнять яко заповеди Божии. По образцу, как достигать сего закона (=закона религии, см. [27, л. 138]. — А.К.), разделяется оный на естественный или на закон разума (=религию разума, см. [27, л. 138]. — А.К.) и на откровенный, из коих второй должен не противоречить первому, а содержать, впрочем, оный в себе. Отвергать возможность и

² В автобиографии митрополита Платона о Мельмане не сказано ни единого слова [38].

³ О физических пытках, однако, прямо ничего не свидетельствует: двусмысленной фразы в показаниях самого Мельмана для этого недостаточно [25, с. 99]. Тем не менее ничем не подтвержденные утверждения о пытках распространены в литературе.

⁴ В оригинале у Мельмана — «Schule» [27, л. 137 об.].

⁵ Дословный перевод с немецкого оригинала самого Мельмана звучит так: «Религия в пределах границ чистого разума» [27, л. 137 об.-138].

⁶ В оригинале Мельмана — «Religion» [27, л. 138].

существование сверхъестественного откровения, к сему познания наши недостаточны, и если бы кто и отважился утверждать сие за подлинно, то по крайней мере обязан он всяким почтением к вере других и к книгам, кои ими почитаются за откровение» [24, с. 102]. Заслуживает внимания тот факт, что кантовская работа о религии вышла весной 1793 года, менее чем за два года до учиненных вопросов, то есть в тот период, когда Мельман уже длительное время находился в России. Тем не менее он следил за новой литературой, в особенности за кантовскими работами, в чем ему помогал Буле, находившийся тогда еще в Германии: «Профессор Буле... взял на себя присмотр за покупками книг моих и меня иногда уведомлял о состоянии философической литературы» [22, с. 118]. Высказывая свои убеждения, Мельман говорил о внутреннем повелении всегда говорить истину и проявлять к этому уважение: «Сего желаю я, яко молящийся за Кантом (если сие последующим молением назвать хотят), а Кант яко повторитель и внушитель слов Христа и Писания Христова во имя и по велению Божию» [25, с. 98; ср. 27, л. 151]. Этого оказалось достаточно, чтобы решить участь Мельмана. Откровенные показания немецкого профессора лишь еще больше убедили обвинителей в его испорченности и сумасшествии.

В отличие от своих обвинителей (единственным, кто проявил к Мельману определенное сочувствие и сострадание, оказался генерал-прокурор А. Н. Самойлов), все время следствия Мельман вел себя достойно, однако его сил хватало на это с трудом. В одном из своих ответов он даже вписал фразу по-русски: «Не судите, да не судимы будете»⁷. Профессор честно писал об «усталости головы моей» [25, с. 100] и о «несколько поврежденном здоровье моем» [24, с. 104–105], что тут же было подхвачено как признание собственного сумасшествия.

Совсем не в качестве оправдания гонителей Мельмана, а скорее в качестве некоторой констатации стоит все же заметить, что его трагическая судьба в России экстраординарным событием на фоне тогдашней Западной Европы, к сожалению, не являлась. До сих пор остаются туманными некоторые эпизоды последних лет жизни Мельмана в России. Во-первых, неизвестна судьба переписки Мельмана с Гейне, выборочно цитировавшаяся в его немецком некрологе 1797 года. Начальные поиски в университете Гёттингена к положительному результату пока не привели. Сохранилась ли переписка Мельмана с Буле — об этом на сегодняшний день тоже нельзя сказать ничего определенного. Особый интерес представляли бы, конечно, и письма митрополита Платона о Мельмане. И. М. Снегирев в своем исследовании упоминал письма митрополита о Мельмане в Вифанской библиотеке и письма Мельмана с хвалебными оценками митрополита. Их настоящее местонахождение мне установить не удалось; обращение в библиотеку Московской духовной академии ни к чему не привело. Данная переписка смогла бы пролить дополнительный свет на отношения духовного лица с университетским ученым⁸. Содержание этой переписки из первых рук мне неизвестно; тем не менее известно, что написал Мельман в своем последнем письме из России в Германию 20 января 1795 года: «Тучи, которых следовало опасаться после беседы с духовным лицом, действительно стухли надо мной, однако после некоторых порывов в течение трех дней снова успокоились, так что я теперь освобожден от своей должности, однако под защитой университета, и дело, вероятно, в самом дурном случае окончится скорой высылкой, однако в мире и согласии. Что меня радует больше всего, так это то, что духовное лицо был лишь невинным поводом к появлению причины. Он мой друг и останется таковым! В конце дело пахнет скорее комедией, нежели серьезным представлением. Но то, что мы, люди, играем таким образом с другими, когда мы могли бы друг с другом делать нечто иное — таковы все же времена и обстоятельства в мире, и в определенной степени они должны всегда оставаться таковыми. Что бы странного ни произошло и ни могло бы произойти, нельзя исключить, что Вы о точном ходе событий узнаете от меня не из письменного, а из устного рассказа. Тем самым я полагаюсь на Ваше благорасположение в уверенности, что смогу оправдать свое поведение также и перед Вами, каков бы исход дело ни приняло (за исключением того, чего, возможно, не хватало в отношении благоразумия, в той мере, в какой оно касается моих суждений, а частично и опрометчивых моментов, насколько они все же находились в моей воле). В чем была бы вина, если бы всё не пошло на поводу у так называемого случая, остается неясным. Что может сейчас случиться, когда уже дело приняло свой оборот, случится, я надеюсь, по закону и порядку в мире и согласии, или же закончится этим. Дай-то Бог, чтобы это послужило началом для многого благого!» [57, S. 105–106].

Наконец, важно было бы более детально проследить и равным образом неординарную судьбу Алексея Михайловича Гусятникова (?–1812) (см. подробнее [20, с. 166–167]), наиболее близкого ученика Мельмана — возможно, благодаря этому прояснились бы и некоторые эпизоды из жизни немецкого профессора в России.

Вероятнее всего, историю о том, что на самом деле произошло с Мельманом в России, удалось-таки удержать в тайне от иностранцев⁹. Во всяком случае, спустя десятилетие после этих событий, в 1804 году, все в тот же Московский университет приехал профессор Буле. Однако Буле все же должен был

⁷ Мельман неплохо овладел русским языком, причем, как истинный филолог, не только разговорным [45, с. 46].

⁸ В. С. Иконников придерживался взгляда о том, что митрополит Платон занял в деле Мельмана умеренную позицию и сыграл, скорее, второстепенную роль [14, с. 516].

⁹ В немецком некрологе с сожалением говорится о том, что узнать обстоятельства дела Мельмана вряд ли когда-либо удастся [57, S. 99, 107].

кое-что знать об истории со своим приятелем, ибо еще в Гёттингене, до отъезда философа в Москву, одним из его слушателей был повзрослевший Гусятников.

С 1805 года Буле читал в Московском университете различные курсы: в 1805/06 учебном году – естественное и народное право, а также частным образом философию [50, р. 14], в 1806/07 учебном году наряду с публичным и народным естественным правом Буле изъяснял и разбирал «Системы Философския Канта, Фихте и Шеллинга» [34, с. 1], в следующем учебном году – эмпирическую психологию, логику и историю философии [35, с. 1–2], а 1808/09 учебном году – естественное право и «Критическую метафизику на латинском языке» [36, с. 2]. Однако уже в следующем году Буле переходит с этико-политического на словесное отделение университета, на котором преподает до 1812 года; на смену лекциям по философии приходят его лекции по «мифологии» и «археологии» [37, с. 11; 30, с. 8].

Буле приобрел заслуженную славу как первоклассный историк философии, автор многотомного издания, не потерявшего научной ценности в ряде разделов и по сей день. Однако его «История философии» [49] вышла в свет в Гёттингене, и хотя в последних томах на обложке и значилось, что Буле является «российским надворным советником и профессором в Москве», тем не менее вряд ли будет несправедливым утверждение о том, что для своих немецких коллег он словно перестал существовать после отъезда в Россию. Отчасти это обстоятельство, правда, связано и с тем, что в Москве Буле не издал чего-то сопоставимого с работами гёттингенского периода. Тем не менее ряд небольших работ у Буле в России появился, но посвященных иной проблематике: ранним русским иконам, наиболее ранним географическим картам, изображающим Россию, и т.д. Как и Мельман, он не просто отбывал в новой для себя стране срок контракта, но искренне интересовался ее жизнью и культурой.

Вероятно, снижение активной творческой деятельности в качестве философского автора в определенной степени было связано у Буле с тем, что значительную часть времени у него отнимал журнал научных рецензий «Московские ученые ведомости», издававшийся под редакцией немецкого профессора. Этот журнал – еще один источник для изучения не только деятельности Буле в России, но и восприятия здесь кантовской философии, ибо в некоторых рецензиях упоминается имя Канта [2, с. 18; 44, с. 356–357; 52, с. 315]. Ряд рецензий содержит и более развернутые высказывания о кантовской философии. Так, в рецензии на сочинение по физике И. Т. Майера сообщается, что «в 1-й главе автор предлагает понятия о действии внешних предметов на наши чувства, особливо по Кантовой системе» [12, с. 98]. Наконец, в 1805 году появляются рецензии на кантовские лекции по педагогике, изданные Ф. Т. Ринком. Ее анонимный автор приходит к выводу, что «Кант предлагает более задачи в воспитании, а не решит их. Нередко показывается он в практическую философию и повторяет из нее известные начала свои, вместо того, чтобы показать средства, чрез которые воспитывающий может настроить дитя к исполнению их, в чем и состоит главное дело» [3, с. 120]. Конечно, всего этого явно недостаточно, чтобы создать себе полное представление об отношении редактора журнала к кантовской философии. Тем не менее создается впечатление, что отношение это объективно-нейтральное: по сравнению с новейшими философами И. Г. Фихте и Ф. Шеллингом и «сектой трансцендентальных эстетиков» [4, с. 87] предпочтение отдается Канту; в то же время Кант далеко не во всем предпочитается докантовским философам, например, Хр. Вольфу [5, с. 264]. Это видно из рецензий на сочинения Фихте и Шеллинга. Сам Буле написал весьма критическую рецензию на работу Фихте «О сущности ученого и его явлениях в области свободы». Известно ли было Буле о скандале, связанном в год выпуска сочинения Фихте с его неизбранием в Берлинскую академию наук, сказать сложно, но некоторые строки наводят на мысли об этой полемике (об этом [18]): «Наука Наук Г. Фихте почти уже забыта, и нигде уже не слышны ни Я, ни не. – По сей причине Г. Фихте очень недоволен Немецкою Публикою, и даже в Предисловии к своему теперешнему сочинению говорит коротко и сухо: "Что он всегда чувствовал внутреннее сопротивление быть в связи с нею"; такая неучтивость ясно доказывает, что сам сочинитель книги об истинном свойстве Ученого, по причине нарушения необходимой добродетели скромности, не имеет свойства истинно Ученого» [51, с. 338–339]. В анонимной рецензии на «Лекции о методе академического преподавания» Шеллинга отмечается, что в книге – «какое-то торжественное красноречие, которое, со времени основания Кантовой школы, едва ли уже и понятно немецким философам» [1, с. 255]. В качестве одного из недостатков автор рецензии указывает на то, что в сочинении «ни разу не упомянуто о тех философских системах, которые, как напр. Кантова система, противоречат тому понятию (единственной науки философии. – А. К.)» [1, с. 256].

Некоторые исследователи утверждали, что немецкий профессор на своих лекциях в России осудительно говорил о «Критике чистого разума». При этом они ссылались на конспекты лекций Буле, сделанные М. Я. Чаадаевым, братом известного русского мыслителя. В качестве места хранения рукописи при этом указывался РГАЛИ [16, с. 705]. Однако данную рукопись в указанном архиве мне обнаружить не удалось; в то же время в архиве хранится запись М. Я. Чаадаевым лекций профессора Ф. Хр. Рейнгарда [47] – но в ней равным образом нет ничего предосудительного в адрес Канта. В то же время С. А. Фомичев и П. С. Краснов указали на рукопись курса Буле в архиве Н. К. Пиксанова в Пушкинском доме: речь идет о курсе в Московском университете 1808 года, записанном М. Я. Чаадаевым на немецком языке после совместного посещения этих лекций со своим братом П. Я. Чаадаевым и с А. С. Грибоедовым [17, с. 339].

Рукопись лекций [46] имеет следующие подразделы: умозрительная философия, логика, метафизика, «Критика чистого разума» Канта, наукоучение Фихте, аподиктика Бутервека и Шеллингова философия¹⁰. В этих лекциях Буле посвятил Канту специальный раздел. Однако и в общих замечаниях о задачах философии и ее частях Буле говорит о кантовском вопросе о возможности метафизики, понимая при этом «Критику чистого разума» как критику философии [46, л. 7 об. 8, § 13]. В свою очередь критику философии Буле истолковывает как трансцендентальную философию [46, л. 8, § 14]. Канта [46, л. 65 об., § 19] и И. Н. Тетенса [46, л. 66, § 19] Буле рассматривает как мыслителей, боровшихся против детерминизма. В специально посвященном Канту разделе лекций [46, л. 82–91 об., § 1–26] Буле последовательно рассматривает наиболее характерные кантовские понятия: разум, чувственность, а priori, а posteriori и др. [46, л. 82–82 об., § 1–3], после чего переходит к изложению основных идей трансцендентальной эстетики [46, л. 83–86, § 4–10], больше внимание уделяя аргументам Канта о пространстве [46, л. 84, § 6], нежели о времени, а также показывая обоснование математики, вытекающее из кантовского учения о пространстве. В разборе трансцендентальной логики Буле специально останавливается на кантовской таблице суждений [46, л. 87, § 13] и категорий [46, л. 87–88, § 14–17]. До трансцендентальной диалектики изложение Буле не доходит. В лекциях он не дает практически никаких оценок разбираемым им мыслителям, а ведет себя подчеркнуто нейтрально и объективно¹¹. Утверждения же об осудительных выпадах в его лекциях в адрес кантовской «Критики чистого разума» совершенно не соответствуют действительности¹².

Еще Мельман впервые заговорил в Москве (и России) о Канте. Как бы это трагично и одновременно комично ни звучало, но всего лишь через несколько месяцев после его смерти, в августе 1795 года, И. М. Шаден, непосредственно участвовавший в «деле Мельмана», начал читать первый в России курс по кантовской философии [19]. В РГАДА [58] дожидается своих исследователей латинская запись этого курса¹³. Буле же и Рейнгард продолжили эту традицию уже в самом начале XIX века.

В России и по сей день широкое распространение имеют оценки Буле, данные Г. Г. Шпетом в его очерке по истории русской философии [48, с. 311–312]. Но Буле не был ни «кантианцем примитивного склада», ни исключительно латиноязычным лектором. В свои задачи он не включал индоктринацию слушателей и сообщение им единственно верного учения, приобщение к философии как «строгой науке» в феноменологическом смысле. Если братьев Чаадаевых, Грибоедова [9, с. 531; 7, с. 23; 8, ст. 1522–1529] и профессора И. И. Давыдова оказалось недостаточно для демонстрации влияния Буле, то стоит задаться вопросом: а у кого оно было больше? В отличие от Мельмана, Буле благополучно вернулся на родину в 1814 году, после окончания войны с Наполеоном.

Подводя некоторые итоги, стоит отметить следующее. Первые университетские курсы по кантовской философии стали читаться в России довольно рано, еще с середины 90-х годов XVIII века. Отставание от самой Германии составляло чуть больше 10 лет (см. о первых курсах в Германии, посвященных кантовской философии, [60]), что вполне объяснимо географическими, языковыми и культурными различиями. Вряд ли какие-то негерманские университеты опережали российские в этом вопросе. Кстати, и первые переводы значительных произведений Канта на русский язык начали осуществляться раньше [15], чем на иные языки (за исключением латыни).

По уровню философского преподавания, пусть и за счет приглашенных иностранцев, Московский университет на рубеже XVIII–XIX веков был первоклассным учебным заведением. Важно подчеркнуть и то, что сама по себе конфессиональная принадлежность иностранцев в российских императорских университетах (и даже духовных академиях!) принципиальной преградой не являлась, хотя при этом не стоит забывать и о печальной судьбе Мельмана.

Философские новинки доходили до России в конце XVIII века практически сразу, как это показывает «Религия в пределах одного разума». Вопреки распространенным представлениям, вольфианство к этому времени из университетских курсов было уже в значительной степени вытеснено (чего нельзя сказать о семинариях и духовных академиях в России того же времени). Особенно отчетливо это видно на примере анонсов преподаваемых курсов — к сожалению, до сих пор недооцененного в России историко-философского источника, предоставляющего богатый материал

¹⁰ Вся рукопись состоит из 226 заполненных листов.

¹¹ Даже в адрес Фихте [46, л. 92–97 об.], к которому Буле относился весьма негативно (о чем неоднократно высказывался в статьях и рецензиях), немецкий профессор не позволяет себе на лекциях не только бранных слов, но и резкой критики.

¹² Особенно абсурдна ремарка в адрес Буле Т. В. Артемьевой. Говоря о его приезде в Московский университет, она заявляет: «Вероятно, это была первая в России кафедра "критики", ориентированная не столько на знакомство с новыми философскими системами, сколько на их ниспровержение» [6, с. 119]. Бросить подобный упрёк прилежнейшему и добросовестнейшему историку философии Буле может, на мой взгляд, только человек, никогда не открывавший его сочинений или же ничего не понявший в них.

¹³ Рукопись состоит из 143 листов с лицевой и оборотной стороны, разбитых на параграфы, а также оглавления. Начата она была еще 20 августа 1795 года; последние записи относятся уже к 1797 году, в котором рукопись прерывается. В рамках курса состоялось не менее 75 занятий. Поскольку Шаден планировал завершить курс до июня 1797 года, оказывается, что он почти успел дочитать его до конца.

для исследования университетской философии конца XVIII — начала XIX века. Их новое издание со справочным аппаратом серьезно бы изменило ситуацию.

Кантианство Мельмана и Буле показывает нам новые грани влияния Гёттингенского университета на Московский, что небезынтересно в том числе и для пушкиноведения. Перевод и критическое издание лекций Буле, а также Рейнгарда и Шадена в Московском университете стали бы серьезным вкладом в изучение распространения кантовской философии в России и нашего понимания русской философии рубежа XVIII — XIX веков. Историко-философские работы Шпета (а также и В. В. Зеньковского), явившиеся событиями для времени своего написания, равно как и для начала 90-х годов XX века в России, более не соответствуют современному состоянию историко-философской науки по целому ряду вопросов. Вместо невдумчивого тиражирования их тезисов полезнее было бы направить усилия на новые источниковедческие разыскания и на новые исследования, учитывающие весь массив тех знаний о кантовской философии в России, которым мы уже располагаем и который мы еще обречем.

Список литературы

1. Аноним. F. W. J. Schelling. Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums. Tübingen, 1803 // Московские ученые ведомости. 1805. №32 (12 августа).
2. Аноним. G. R. Treviranus. Biologie, oder Philosophie der lebenden Natur, für Naturforscher und Aerzte. Bd. 1—2. Göttingen, 1804 // Московские ученые ведомости. 1805. №3 (21 января).
3. Аноним. Immanuel Kant über Pädagogik. Hrsg. von F. Th. Rink. Königsberg, 1804 // Московские ученые ведомости. 1805. №15 (15 апреля).
4. Аноним. J. A. Eberhard. Handbuch der Aesthetik für gebildete Leser aus allen Ständen, in Briefen. Tl. 1—2. Halle, 1803 // Московские ученые ведомости. 1805. №11 (18 марта).
5. Аноним. M. Engel. Versuche in der scientisischen und popularen Philosophie. Frankfurt am Main, 1803 // Московские ученые ведомости. 1805. №33 (19 августа).
6. Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996.
7. Булгарин Ф. В. Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929.
8. Веселовский А. Н. Очерк первоначальной истории горя от ума // Русский архив, изд. П. И. Бартеневым. М., 1874. Кн. 1, №6.
9. Грибоедов А. С. Письмо к Ф. В. Булгарину <после 18 апреля 1826> // Сочинения. М., 1988.
10. Грубе. Письмо купца из Любека Грубе коллежскому асессору и профессору Московского университета Ивану Гейму от 6 мая 1795 г. // РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2867.
11. Дневная записка об исключении Мельмана из Университета. 31 Января 1795 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861. Кн. 4 (октябрь—декабрь). Отд. 5.
12. И. I. T. Mayer. Anfangsgründe der Naturlehre zum Behuf der Vorlesungen über die Experimental-Physik. Göttingen, 1801 // Московские ученые ведомости. 1805. №13 (1 апреля).
13. Известие о профессоре Мельмане (сообщено Д. И. Иловайским) // Летописи русской литературы и древности / изд. Н. С. Тихомировым. М., 1863. Т. 5.
14. Иконников В. С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. №10.
15. Кантово основание для метафизики нравов / пер. с нем. Я. А. Рубана. Николаев, 1803.
16. Комментарии и примечания к текстам на русском языке // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 705.
17. Краснов П. С., Фомичев С. А. Комментарии // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.
18. Круглов А. Н. И. Г. Фихте и Берлинская академия наук // Вопросы философии. 2004. №8.
19. Круглов А. Н. Первый курс по кантовской философии в России // Сущность и слово: сб. науч. ст. к юбилею проф. Н. В. Мотрошиловой. М., 2009.
20. Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 2009.
21. Лубяновский Ф. П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // Русский архив / изд. П. И. Бартеневым. М., 1872.
22. Мельман И. В. Л. Перевод ответов профессора Мельмана на вторые вопросные пункты // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Кн. 2 (апрель—июнь). Отд. 5.
23. Мельман И. В. Л. Перевод ответов Профессора Мельмана на учиненные ему вопросы // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Кн. 2 (апрель—июнь). Отд. 5.
24. Мельман И. В. Л. Перевод показания Профессора Мельмана // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Кн. 2 (апрель—июнь). Отд. 5.
25. Мельман И. В. Л. Перевод примечаний Мельмана на Дневную Записку Конференции Московского Университета // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Кн. 2 (апрель—июнь). Отд. 5. С. 99.
26. Менишиков А. И. Мелльманн, Иоганн Вильгельм Людвиг // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по сей день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году и расположенных по азбучному порядку / под ред. С. П. Шевырева. Ч. 2. М., 1855.

27. *О профессоре Московского университета Мельманне, уволенном от службы и высланном из России за богохульные мнения.* 1795 г. [О бывшем Московского университета профессоре Мельманне, преподававшем ученикам атеизм] // РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2867.
28. *Объявление о публичных учениях в Императорском Московском Университете и в обеих гимназиях онаго преподаваемых, с 17 августа 1789 по 26 июня 1790 года.* М., 1789.
29. *Объявление о публичных учениях в Императорском Московском Университете и в обеих гимназиях онаго преподаваемых, с 17 августа 1791 года по 26 июня 1792 года.* М., 1791.
30. *Объявление о публичных учениях в Императорском Московском Университете, преподаваемых с 1811 августа 17 дня, по назначению совета.* М., 1811.
31. *Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете и в обеих гимназиях онаго преподаваемых, с 17 августа 1787 по 26 июня 1788 года.* М., 1787.
32. *Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете и в обеих гимназиях онаго преподаваемых, с 17 августа 1792 года по 26 июня 1793 года.* М., 1792.
33. *Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете и в обеих гимназиях онаго преподаваемых, с 17 августа 1793 года по 26 июня 1794 года.* М., 1793.
34. *Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете преподаваемых, с 1806 года августа 17 по 1807 июня 28, по назначению совета.* М., 1806.
35. *Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете преподаваемых, с 1807 года августа 17 по 28 июня 1808, по назначению совета.* М., 1807.
36. *Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете преподаваемых, с 1808 года августа 17 по 28 июня 1809.* М., 1808.
37. *Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском Университете преподаваемых, с 1809 августа 17 по 28 июня 1810 года. По назначению совета.* М., 1809.
38. *Платон, митрополит. [Левшин П. Е.] Записки о жизни Платона, митрополита Московского // Снегирев И. М. Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. 1–2.* М., 1856.
39. *Платон, митрополит. Донесение (по запросу) Митрополита Платона Генеральному Прокурору Графу Самойлову о Мельманне 10 марта 1795 // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861. Кн. 4 (октябрь–декабрь). Отд. 5.*
40. *Самойлов А. Н. Решение о Профессоре Мельманне // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Кн. 2 (апрель–июнь). Отд. 5.*
41. *Самойлов А. Н. Сенатския Рот господину прапорщику Моисею Федорову Ордер. Февраль 1795 г. // РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2867.*
42. *Соловьев С. М. Дело о Профессоре Мельманне // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861. Кн. 4 (октябрь–декабрь). Отд. 5. С. 200.*
43. *Сообщение из Конференции в канцелярию о приглашении в Университет из Гёттингена профессора Мельмана и о высылке ему денег на проезд. 13 февраля 1786 г. // Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / подгот. к печати Н. А. Пенчко. Т. 3. М., 1963.*
44. *Ст-рь. Th. Schmalz. Kleine Schriften über Recht und Staat. Тl. 1. 1805 // Московские ученые ведомости. М., 1805. №45 (11 ноября).*
45. *Тимковский И. Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому куратору Императорского Московского Университета // Москвитянин: учено-литературный журнал / изд. М. П. Погодиным. М., 1851. Ч. 3, кн. 1–2, №9–10.*
46. *Чаадаев М. Я. Курс философии, проходимый на частных лекциях г-на Буле, профессора, П. О., при имп. Московском университете, писанный 1808-го года М. Чаадаевым // ОР ИРЛИ. Ф. 494. Ед. хр. 1067.*
47. *Чаадаев М. Я. Запись публичных лекций по истории философии. Автограф 1807 г. Публичные лекции философии и ее истории, преподаваемые г. Рейнгардом, Профессором публ. ордин. при императорском Московском университете 1807. Писал М. Чаадаев // РГАЛИ. Ф. 546. Оп. 1. Ед. хр. 17.*
48. *Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии / под ред. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск, 1991.*
49. *Buhle J. G. Geschichte der neuern Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften. Bd. 1–6. Göttingen, 1800–1804.*
50. *Catalogus praelectionum in Universitate Literarum Caesarea Mosquensi a. D. XVII AVG. CICICCCCV habendarum promulgatus auctoritate Conventis Academici. М., 1805.*
51. *J. Th. [Буле И. Т.] Fichte, J. G. Ueber das Wesen des Gelehrten und seine Erscheinungen um Gebiete der Freiheit. В., 1806 // Московские ученые ведомости. М., 1806. №43 (27 октября).*
52. *J. Th. [Буле И. Т.] Начальные основания метафизики, которые прежде преподавал слушателям своим Евгений Булгар, напечатаны под смотрением С. Бланта иждивением братьев А. И. З. М. Зосимов, в дар любознательным своим соотичам. Первая часть содержит Онтологию, вторая Космологию, третья Психологию. Венеция, 1805 (греч. яз.) // Московские ученые ведомости. М., 1806. №40 (6 октября).*
53. *Mellmann J. W. L. Commentatio de caussis et auctoribus narrationum de mutatis formis ad illustrandum maxime et diiudicandum opus metamorphosium Ovidianum. Leipzig, 1786.*
54. *Mellmann J. W. L. Lectiones latinae in usum classis syntacticae in Gymnasio Universitatis caesareae mosquensis. М., 1791.*
55. *Mellmann J. W. L. Lectiones latinae in usum classium etymologicarum in Gymnasio Universitatis caesareae mosquensis. М., 1789.*
56. *Mellmann J. W. L. Oratio de communi omnis educationis et institutionis consilio in solennibus anniversariis imperii ab augustissima et potentissima totius Rossiae autocratore Catharina II, optima patriae matre ante annum XXVIII suscepti ab universitate Mosquensi rite ac pie celebrandis A. D. XXVIII. Junii anni MDCLXXX. М., 1790.*

57. Nekrolog auf das Jahr 1795. Enthaltend Nachrichten von dem Leben merkwürdiger in diesem Jahre verstorbenen Deutschen / Gesammelt von F. Schlichtegroll. Gotha, 1797. Bd. 1.

58. *Schaden J. M. Institutiones philosophiae Moralis Secundum praecepta Philosophiae Criticae ad ductum Johann Matthias Schaden* [Курс нравственной философии, читанный в Московском университете Шаденом. 1795 г.] // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 8 дополн.

59. *Schröpfer H. Kants Weg in die Öffentlichkeit: Christian Gottfried Schütz als Wegbereiter der kritischen Philosophie.* Stuttgart-Bad Cannstatt, 2003.

Об авторе

Круглов Алексей Николаевич — д-р филос. наук, проф. кафедры истории зарубежной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета, akrouglov@mail.ru

About author

Prof. Alexei Krouglov, Department of the History of International Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, akrouglov@mail.ru